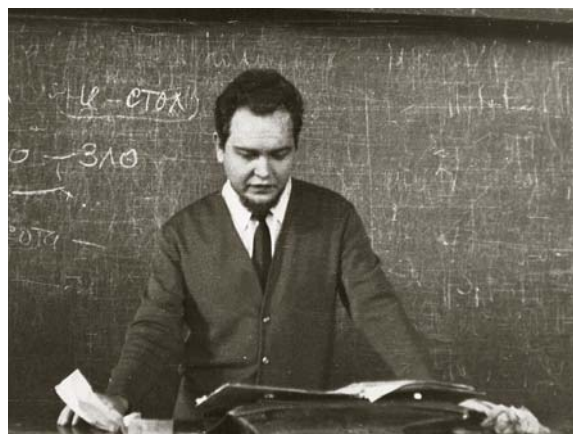

Конев Владимир Александрович: «С любовью к мудрости» ПО ЖИЗНИ

текст Александра Синёва
фото из архива семьи Коневых

Сегодня в нашей рубрике «Портрет учёного» мы рассказываем об основателе философской школы в Самаре, докторе философских наук, профессоре, академике АГН, заслуженном деятеле науки РФ, заведующем кафедрой философии гуманитарных факультетов СамГУ Коневе Владимире Александровиче. Совсем недавно он был награждён Почётной грамотой Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Под руководством В.А. Конева защищено 7 докторских и 17 кандидатских диссертаций; им написано 15 монографий и более 230 научных статей.

Город «не для всех»

Одним из самых значимых периодов своей жизни Владимир Александрович считает годы работы в Академгородке Новосибирского государственного университета – знаменитом научном и образовательном центре России. На его территории расположены десятки научно-исследовательских институтов, Президиум Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), Новосибирский государственный университет, Физико-математическая школа. Прожили с супругой там с 1964 по 1972 год, переехали в Самару. И у Владимира Александровича, по его признанию, ещё долго было ощущение, что вот там, в Новосибирске, была вся его жизнь, а здесь, в Самаре, он находится временно. Такое особое отношение к Академгородку прежде всего – в научном отношении, потому что там была уникальная кафедра философии, на которой учились молодые ребята с огромным желанием работать. В Академгородке проходили интереснейшие еженедельные научные семинары, на которых выступали с докладами, спорили, дискутировали. Главной проблематикой тех встреч была философия науки. Перед этим Владимир Алексан-

дрович занимался эстетикой, и для того, чтобы глубоко разобраться в темах семинаров, ему пришлось серьёзно переквалифицироваться. Но здесь стоит принять во внимание и то, что в советское время философия существовала, в основном, лишь в семинарах, лекциях, устных разговорах. Все публикации были строго дозированы, журналов было мало, в «Вопросах философии» (советский и российский научно-теоретический философский журнал – прим. автора) сборники философских статей опубликовать было сложно. И потому вся та проблематика, которая обсуждалась на семинарах у Щедровицкого, Библера, на лекциях Мамардашвили, на конференциях Бориса Грязнова, проходивших в Институте истории естествознания и техники, была осмыслена и обдумана учёными Академгородка именно в процессе «живой работы», в формате устных разговоров и личных встреч. Ещё одна причина, по которой Владимир Конев считает период жизни в Академгородке для себя очень важным – в педагогическом отношении. Новосибирский государственный университет в то время являл собой совершенно новую форму университетской работы. Это был молодой вуз, он был организован вместе с Академго-

родком в 1957 году. И для студентов физтеха там была принята следующая метода обучения: первые три года учащиеся постигали фундаментальные основы науки, а после они продолжали осваивать будущую специальность в лабораториях академических институтов. Три дня в неделю они проводили в университете и столько же – в лабораториях. Причём, там студенты включались в реальную работу с теми коллективами, которые изучали те или иные научные проблемы, решали поставленные задачи. Если студент чего-то не знал, то он шёл в библиотеку и там «добирал» недостающие знания. Эта самостоятельная работа была характерна для изучающих естественные науки: физику, химию, биологию и прочие.

Что же касается студентов-философов, то работа с ними в то время требовала особенного внимания. В эпоху СССР истинной философией нашей страной было признано лишь её марксистское направление; к философии других направлений отношение было пренебрежительным. А студенты тех лет были прекрасно подготовлены, начитаны, и, главное, – они умели мыслить, хотели дойти «до самой сути» проблем и вопросов. И поэтому преподавателям нужно было ломать такое пренебрежительное отношение к «иной» философии. Для этого необходимо было придумать различные новые подходы работы со студентами.

Прежде всего студенты и их наставники начали работать с современными текстами. В 1968 году вышла знаменитая статья Мамардашвили «Анализ сознания в работах Маркса». Статья, как и все остальные у Мераба Константиновича, была написана очень «тёмным» языком. И когда на занятиях учащиеся доходили до соответствующей проблематики, Владимир Александрович давал студенту задание сделать реферат по данной теме (особенно они изучали эти вопросы со студентами-математиками). Будущий специалист брал эту статью, начинал её читать, думая, что бытует споруется с этой работой и...ничего не понимал. И тогда он «приползал» к профессору на консультацию, где они вдвоём долго и упорно разбирали чуть ли не каждый параграф. И после этого люди были просто шёлковые: они работали, читали, обсуждали тексты, делились мыслями о прочитанном.

В Академгородке было огромное количество научных клубов, но самым знаменитым из них был клуб «Под интегралом». Это было заведение, получившее союзную известность. Там проходило множество неординарных событий. Философы были в клубе на особом положении, поскольку там проходили собрания интеллигенции со всего Советского Союза, и всегда присутствовал момент некоего вольнодумия. Атмосфера Академгородка, где общались представители разных наук, разных специальностей, была непередаваемой. На маленьком пятячке земли жили люди, которые занимались совершенно разными науками: математикой, физикой, биологией, философией, историей, и постоянно между собой взаимодействовали, делились новостями научной среды.

Владимир Александрович сам однажды стоял рядом с какими-то биологами, и они обсуждали некую статью из биологического журнала. Это показалось ему очень интересным, и он понял, что сам бы к этой статье никогда не пришёл, поскольку это не его специфика. В общем, информацию тогда черпали буквально отовсюду. Кроме того, очень много людей ездили за рубеж, и поэтому то, что происходило в мировой науке, доходило до студентов из первых рук. В каком-то отношении эта жизнь была даже лучше, чем в столице. Советский бард Юрий Алексеевич Кукин написал когда-то песню «Город», которая стала неофициальным гимном Академгородка – настолько она точно отражала всю атмосферу, которая в нём царил:

Горы далёкие, горы туманные, горы,
И улетающий, и умирающий снег.
Если вы знаете – где-то есть город, город,
Если вы помните – он не для всех, не для всех.

Странные люди заполнили весь этот город:
Мысли у них поперёк и слова поперёк,
И в разговорах они признают только споры,
И никуда не выходит оттуда дорог.

Вместо домов у людей в этом городе небо,
Руки любимых у них вместо квартир.
Я никогда в этом городе не был, не был,
Я всё ищу и никак мне его не найти.

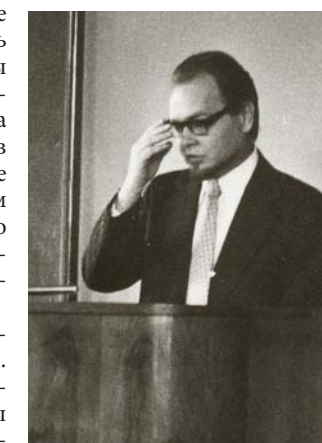
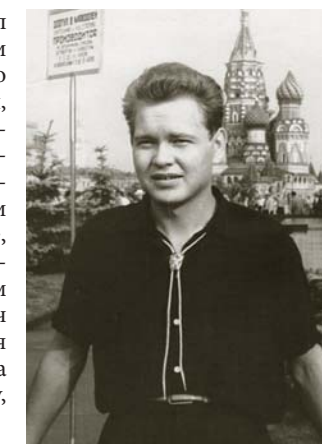
Если им больно – не плачут они, а смеются,
Если им весело – вина хорошие пьют.
Женские волосы, женские волосы вьются,
И неустроенность им заменяет уют.

Я иногда проходил через этот город –
Мне бы увидеть, а я его не замечал.
И за молчанием или за разговором
Шёл я по городу, выйдя и не повстречав.

Поездом – нет! Поездом мне не доехать.
И самолётом, тем более, не долететь.
Он задрожит миражом, он откликнется эхом.
И я найду, я хочу, и мне надо хотеть.

«Полос» по-польски – «бегун»

Ещё одним значимым периодом в своей жизни Владимир Александрович может назвать время, проведённое им в качестве преподавателя в Краковском университете Польши. Там он пробыл шесть лет – с 1985 по 1991 год. Сначала у Конева не было желания туда ехать: хотелось попасть в страну со «значимым» языком с целью его выучить, например, в Германию или Францию. В этом отношении Польша его не очень привлекала, потому что язык-то выучить было можно, да только какой от этого был бы толк? Но всё же они с супругой Людмилой Александровной поехали, и страна оказалась весьма интересной, ведь она занимала особое место в социалистическом лагере: всегда была более свободной, чем другие страны. Кроме того, там была очень сильно развита струя современного авангардного искусства, да и культурная атмосфера в Польше в то время была больше европейская, чем советская. Владимир Александрович работал в Институте философии Силезского университета. И первое, что его поразило – это то, что в Польше сохранились и жили философские школы философии XX века. Прежде всего, там сохра-

нилась традиция львовско-варшавской школы аналитической философии. Однако гораздо большее внимание привлекала феноменология. Особенно учёного интересовал Роман Ингарден, прямой непосредственный ученик Эдмунда Гуссерля. Он долгое время работал в Кракове, и поэтому там были его философские школы, которые в то время занимались разными важными проблемами. Была забавная ситуация: когда с одним из коллег в институте философии (вместо кафедр были институты) Владимир Александрович начал дискутировать, то в качестве аргумента (с его точки зрения, убийственного) советского философа сказал: «Так это же вообще феноменология!» Коллега ему просто ответил: «Ну да, я феноменолог». А если бы Конев кого-нибудь другого из советских философов так «окрестил», он начал бы оправдываться. Вот тут-то он и понял: философия – она же разная! Одно дело – это знать, а совершенно другое – с этим в жизни столкнуться!

В Польше Владимир Александрович начал буквально жить философией. Он ездил в Варшаву на семинары по эстетике, бывал на конференциях в городе Катовице. И это живое общение с философией другого уровня было для него очень значимым и ценным опытом. Одно дело, когда ты просто читал какие-то книжки, а другое – когда начинаешь общаться с людьми. Тем более, что когда Владимир Александрович писал свою докторскую диссертацию, то он понял: для него феноменология и экзистенциализм – как раз те философские направления, которые позволяют ему отвечать на те вопросы, которые ставит перед собой профессор.

В то время В.А. Конев занимался вопросами: «Как искусство проявляется в социальной жизни людей?», «Как существует искусство?». Это феноменологическая проблематика. И тогда его интересовал Хайдеггер, и особенно – его трактат «Бытие и время». Его в то время можно было читать только по-немецки, но на тот момент этого языка Владимир Александрович

ещё не знал. И когда книга уже была переведена, то он себе отдельно выписывал из неё цитаты, создав своё «склеенное» «Бытие и время». Позже Конев очень жалел, что однажды в пылу уборки стола выбросил эту тетрадь с записями. Что же касается преподавательской деятельности, то в университете Владимир Александрович читал свои лекции на русском отделении и по-русски. Потом, естественно, овладел польским и впоследствии начал читать студентам по-польски. И его во время преподавания очень интересовали педагогические аспекты своей деятельности. На тот момент он уже был довольно опытным педагогом, и для него студенческая аудитория была уже неким «воском», из которого преподаватель мог лепить всё, что пожелает. И вот однажды он приходит к своим студентам на пару, начинает читать лекцию и думает про себя: «Вот здесь они должны задуматься». А они не задумываются. «А тут они должны засмеяться». А они не смеются. Аудитория ведёт себя совершенно по-другому, нежели он ожидал, никак его не воспринимает! Тогда он понял, что у них – другие интуиции, и начал искать те приемы, которые дадут возможность

взять аудиторию в свои руки. И ему удалось их найти.

Главное у поляков – это достоинство, самолюбие, гордость. Поляк – это человек чести. Кто-то сказал: «Поляк идёт по пляжу в плавках и босиком, а шпоры его так и звенят!». Вот в этом-то и есть вся польская натура. А во-вторых, поляки – они очень ценят единство Польши. И когда Владимир Александрович начал в своих лекциях «глядеть» своих студентов по этим местам, то всё у них сразу пошло хорошо: учащиеся внимательно слушали там, где важно; улыбались там, где нужно. Поэтому профессору очень интересно было освоить для себя эту принципиально новую аудиторию.

Тогда у него было очень много разных забавных ситуаций, связанных с польским языком. Как-то ему нужно было сказать «между двумя полюсами». По-польски «полюс» – это бегун. А он говорит: «между двумя бегунками». А «бегунок» по-польски – это понос. Все студенты, естественно, в смех, и тут он сразу сообразил, в чём дело, исправился. Но ещё долго вместе со студентами вспоминал этот случай с улыбкой.

Путь к философии культуры

Почему же выпускник филологического факультета Уральского университета сферой своей деятельности избрал именно философию?

Уже оканчивая филфак, он писал свой диплом по эстетике Гегеля и его научным руководителем был Лев Наумович Коган. А выбор был связан со школьными интересами, поскольку когда Владимир учился в старших классах, они с ребятами организовали рукописный журнал под названием «Луч». Там были представлены стихи учеников. В нём Конев занимался критической работой, по его словам, изображал из себя литературного критика. Его кумиром в те годы был

Белинский. Прочитав очень много его работ, Владимир мечтал писать так же. Вторым его увлечением была математика. С начальной школы и класса до восьмого он усиленно занимался алгеброй и геометрией. И даже думал, что в будущем выберет для себя именно математическую стезю. Но в восьмом классе познакомился с одним юношей, который был математиком от рождения. И тут понял, что вот он – математик, а сам он как-то не совсем. И уже после этого в старших классах начал интересоваться литературоведением. В журнале «Луч» Владимир Александрович и его одноклассники пытались писать небольшие литературные статьи. Получалось плохо. В связи с этим при окончании школы выбор будущего профессора и пал на филологический факультет. Уже учась там, он интересовался больше интерпретацией, чем самим произведением; ему было важно всё, что существовало вокруг литературы.

Считает, что здесь ещё сработала чисто индивидуальная психологическая особенность: у него плохая память на фамилии, а надо всегда помнить всех героев. А когда рассуждаешь о литературе вообще, то фамилии и не нужны. Его всегда тянуло к общим рассуждениям. Поэтому и пошёл в эстетику, и потом же, поступив в аспирантуру МГУ на кафедру эстетики, вплотную занялся философией.

Философией культуры Владимир Александрович увлёкся прежде всего потому, что культура никогда не была предметом анализа в рамках марксизма. В 1967 году вышла книжка Эдуарда Маркаряна «Очерки теории культуры» – этот труд был первым, в котором были изложены теоретические вопросы культуры. В своей книге Маркарян излагает концепцию Лесли Уайта, адаптирует её на марксистскую традицию. Выход этого научного труда произвёл эффект разорвавшейся бомбы; после этого началась огромная дискуссия на предмет того, что же всё-таки представляет собой культура. Маркарян развёл понятие «общество, социум» как анализ социальных связей, отношений, групп, институтов, и понятие «культура», которая рассматривает человеческую жизнь с точки зрения её содержания и наполненности. Тогда появилось очень много прочтений этого понятия. И вот как раз в то время и зародилась культурология как наука.

Позиция В.А. Конева связана с тем, что культура – это особая структура, которая организует жизнь социального опыта. Важно не то, чему она учит, а то, как она это делает; важно, как с помощью разных форм предъявления содержания она делает культуры похожими между собой.

Супруга Конева, Людмила Александровна, тоже философ. И определённое место в их семейной жизни занимают философские споры, разговоры. В профессиональном отношении они занимались разными областями, поскольку сфера интересов Людмилы Александровны – история русской философии. Причём, эти интересы появились не без подачи супруга, который подвигал на то, чтобы она занялась проблемой индивидуальности Владимира Соловьёва. А потом она увлеклась русской философией и занималась ей. Конечно, в некотором плане общность интересов для семейной пары является очень полезной, поскольку они читают одни и те же книжки, понимают, какие вопросы ставят перед собой, какие задачи. Но чаще спорят на философские темы. Это связано с тем, что Владимир Александрович склонен больше к формальному толкованию философских терминов, а жена – к их содержательно-психологическому трактованию. Но чаще всего споры кончаются словами: «Ну и ладно!».

Мысль — это событие мысли

Большое влияние на учёного-философа оказали семинары Мамардашвили. Конев познакомился с ним в конце 60-х – начале 70-х годов. Борис Семёнович Грязнов, его друг, в 60-е годы занимался логикой и методологией науки и хорошо контактировал с европейскими учёными. Он работал в Институте истории естествознания и техники, проводил небольшие конференции по философии науки на 15–20 человек в загородных пансионатах Академии наук. И вот там Конев впервые услышал Мамардашвили.

Здесь, в СамГУ, когда организовалась кафедра философии гуманитарных факультетов, первые семинары профессора Конева были посвящены «Картезианским размышлениям» М.К. Ма-

мардашвили. Есть у него такая серия лекций, посвящённых Декарту. По их итогам вышла целая публикация. Мамардашвили входил в учебные занятия и потом, поскольку его лекции крайне продуктивны с дидактической точки зрения.

Идейно на Владимира Александровича, по его собственному признанию, Мамардашвили оказал очень большое влияние, поскольку у Мераба Константиновича нет систематического изложения философии. Во всех его лекциях, работах красной нитью проходила одна и та же идея: мысль – это событие мысли. Для того, чтобы она случилась, нужны определённые условия. Это не просто работа мышления, это именно то, что случается с человеком, который вдруг подумал. Вдруг подумал – потому что на него оказали огромное воздействие какие-либо случайные ситуации. Человек должен определённым образом отнестись к себе, к своему окружению, он должен по-разному реагировать на то, что случается. И вот это событие мысли и является культурным событием.

Лекция, понятная для всех

У Конева Владимира Александровича есть идея о проведении так называемых «актовых лекций» в университете в начале каждого учебного года. Эта идея – влияние жизни в Польше. Там есть интересная процедура – инаугурация учебного года, который начинается в середине сентября. В это время и происходит эта инаугурация – торжественное заседание, которое проходит в актовом зале Краковского университета.

Начинается всё с того, что под пение GAUDEAMUS ректор и все деканы выходят в мантиях на сцену. У каждого факультета своя мантия. Ректор выходит в ректорской мантии с жезлом и перстнем. Он начинает свою речь с того, что вспоминает всех тех, кто умер в течение прошлого учебного года и приветствует тех, кто пришёл в университет в новом году. Далее ректор произносит небольшую вступительную речь, а затем начинается инаугурационная лекция местного профессора, «открывающая» учебный год. Приглашаются на это торжественное событие все студенты и весь преподавательский состав вуза. Учитывая, что университет объединяет разные факультеты, главной задачей выступающего становится то, что он должен прочитать свою лекцию, например, о математике так, чтобы его поняли все присутствующие в зале, люди абсолютно разных специальностей, а не только математики.

Действительно, очень интересная традиция. Кто знает, может быть, когда-нибудь что-то подобное будет происходить и в нашем университете?

